

Поднялся к себе, в рабочий кабинет. Проходя через комнату управления делами, увидев Марию Николаевну Скрипник, вспомнил о ее просьбе — поехать на Украину к родителю вместе с Медведевым, Шахраем, которые вернулись из Бреста, и Ворошиловым, которого он, Ленин, командировал в Донбасс, на помощь Антонову-Овсеенко.

Владимир Ильич понимал желание женщины, секретаря Совнаркома, ехать в неспокойное время в компании своих товарищей, таких рыцарей, как комиссар Петроградского ВРК Климент Ворошилов; человек этот в свои тридцать семь лет может, как юноша, краснеть перед женщинами, что заметили работники Совнаркома, но, если судить по его подполной деятельности и по работе в революции, никогда не «краснел» перед врагами.

Ленин остановился перед Горбуновым:

— Николай Петрович, напишите, пожалуйста, от моего имени распоряжение начальнику Николаевского вокзала, чтобы он предоставил четырехместное купе товарищам Скрипник, Ворошилову, Медведеву, Шахраю. Им нужно безотлагательно выехать в Харьков.

В кабинете на столе Ленина ждали срочные документы — повестка дня Совнаркома, более тридцати вопросов, проекты декретов, которые надо еще коллегиально обсудить и которые уже рассмотрены на Совнаркоме и их необходимо подписать, они будут регламентировать новую жизнь, направлять ее по социалистическому пути, зачеркивая старинные царские законы, правила, нормы. Декреты диктатуры пролетариата!

Владимир Ильич внимательно прочел повестку дня. Сколько вопросов вычеркнул, некоторые, наоборот, подчеркнул, отмечая их исключительную важность.

Иван ШАМЯКИН

Вег. Миссия,
1981, 29 сент.

ПЕТРОГРАД — БРЕСТ

ОТРЫВОК ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

ПОСЛЕ обеда Владимир Ильич задержался в своей квартире, чтобы немного отдохнуть. Так потребовали от него Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Если у кого-нибудь из них было время, его буквально караулили. Он подтрунивал над их настойчивостью, шутил:

— Что ж, посидим под домашним арестом. Но я на вас понадеясь Совнаркому, имейте в виду.

В тот день у жены и сестры были неотложные дела: у Маняши — в редакции «Правды», у Нади — в Наркомате просвещения. Но он пообещал им полчаса отдохнуть. Если он обещал с такой серьезностью, женщины верили ему.

Днем, за редким исключением, когда только случалось, что нездоровилось, Владимир Ильич никогда не ложился, считал это обломовщиной: дневной сон расслаблял тело и мозг. А у него впереди самая напряженная работа — заседание Совнаркома, его приходится проводить почти ежедневно, так как набирается много вопросов, которые нельзя отложить, решать их надо с революционной срочностью.

Он походил по комнате, ровнее поставил стулья у стола, поправил покрывало на кровати. Любил симметрию и гармонию в природе, в обстановке, в обществе. С улыбкой подумал, что настоящая гармония — в революции. В пролетарской революции. Без левацких заскоков. Без анархии.

На столе лежала раскрытая его книга «Государство и революция». Он взял книгу в руки, на обложке его надпись: «Дорогой Маняше от автора, 14.11.1918». Тронуло, что за два дня при безмерной загруженности в редакции сестра прочла его труд.

Поднес книгу ближе к лицу, вдохнул еще свежий, невыветрившийся запах печатной краски. Любил этот запах и всегда почти с детской непосредственностью радовался выходу каждой своей книги. В эмиграции приходилось преодолевать немало трудностей, чтобы напечатать книгу. Это, по существу, первая большая теоретическая работа, вышедшая свободно, без цензурных купюр. Работа очень необходимая. Людей надо вооружить марксистским учением о государстве вообще и о государстве нового типа — социалистическом. Многие, даже из тех, кто старательно проштудировал Маркса и Энгельса, немало путают.

Вспомнил, как писал книгу. В Разливе, в шалаше. Писалось легко, с вдохновением. Но изводили комары.

Владимир Ильич развернул книгу на одной странице, второй, прочел и удовлетворенно улыбнулся. Написанное до революции не только не утратило своей актуальности, наоборот, стало еще более злободневным. Это как раз то, что и надо для понимания государственности нового типа.

«Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата... На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма».

Ленин присел к столу и подчеркнул двумя чертами эти слова. В другом месте поставил на полях характерные пометки. Увлёкся работой. Вот это также стоит отметить: «Оппортунизм не доводит признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода перехода от капитализма к коммунизму, до периода свержения буржуазии и полного уничтожения ее».

Только когда поднялся от стола и прошелся по комнате, чтобы выкристаллизировать мысль, вспомнил о времени, достал из кармана жилетки часы, укорил себя:

«Ай, ай, нельзя же забывать о практических делах, дорогой товарищ».

Большинство вопросов было хозяйственных, экономических — мирных. Например, объявление капиталов ссудосберегательных, вспомогательных, пенсионных, эмеритальных касс неприкосновенными. Или ассигнование ста тысяч рублей на Северную экспедицию СНК по охране сокровищ РСФСР, которые находились в Архангельской губернии. Хотя вряд ли «мирный» этот вопрос. Сокровища надо сохранить не только от своих воров, но и от зарубежных: на Архангельск «точат зубы» англичане. В случае их высадки не дать им захватить народные богатства.

Крыленко и Подвойский очень своевременно попросили принять декрет о выплате суточных демобилизованным солдатам, которые временно остаются в своих частях. Архиважно задержать во фронтовых частях людей, которые в случае немецкого наступления могли бы оказать хоть какое-нибудь сопротивление, хоть такое, чтобы Вильгельм и Гинденбург поняли, что наш фронт открыт, как пообещал им это Троцкий своей формулой «ни мира, ни войны».

От мысли о мире у Ленина тревожно екнуло сердце. И вспыхнул гнев против Троцкого. Неподписание им мира вопреки ясной директиве Совнаркома похоже на грандиозную провокацию. За такое наркома надо предать суду, партийному — обязательно. Если бы не позиция «левых» коммунистов и левых эсеров, поддерживающих авантюру Троцкого, Ленин потребовал бы партийного суда. Но в такой ситуации удар по Троцкому может привести к отставке наркомов-эсеров, к расколу в ЦК большевистской партии. А это нежелательно в такое ответственное время. Этим пользуется Троцкий. Из Бреста он вернулся с видом победителя. Веселый. Как всегда уверенный в правильности своего решения.

Ленина возмущала такая нахальная самоуверенность. Но при своем положении главы правительства он должен очень спокойно выслушивать доклад руководителя делегации. Так, немецкие империалисты — разбойники, навязывали они архитяжелый мир. Однако нет сомнения, что он был бы легче, чем тот, который придется заключать, когда немцы начнут военные действия. «Воевать» может только Бухарин и его левые фразеры. На бумаге. В безответственных выступлениях. Республика воевать не может. Неграмотные солдаты это отлично понимают, а до высокообразованных интеллигентов, которые называют себя марксистами, это не доходит, никак нельзя втолковать простые истины в их очень мудрые головы.

Троцкий уверял, что немецкий генштаб не осмелится возобновить военные действия — побоятся трудящихся. На-

ступать на республику рабочих и крестьян, которая провозгласила мир и демобилизует свою армию, — это такая подлость, которую пролетариат Германии никогда не простит.

Ленин хотел верить... Ленин верил в революционность немецких рабочих. Однако революционная ситуация — дело довольно сложное, она требует сочетания многих факторов. В Германии чего-то не хватает. Чего? Ах, как мало времени! А так надо проанализировать положение в странах, которые воюют. Англию и Францию кормит богатая Америка. Выступления пролетариата в этих странах эпизодические и в неполной мере направлены против войны — не выветрился еще угар ура-патриотизма. В Германии положение иное. И, однако, все надежды наши на близкую революцию не оправдываются. В чем причина? Раскол социал-демократии? Зараза национал-шовинизма? Слабость интернационалистов? Пребывание в тюрьме Карла Либкнехта?

Вчера Ленин еще раз принимал Романа Аврамова, который уехал в Берлин. Они обсудили многие проблемы социал-демократического движения и отношений с Германией, поскольку Аврамов — член экономической комиссии Четверного союза. Но может самое главное в их разговоре — это его, Ленина, поручение Аврамову передать организатору группы «Спартак» Тышке, что немецкие товарищи не должны ни на мгновение забывать: дальнейшее укрепление Советской власти в России является делом и долгом не только русских, но и немецких рабочих.

Будет наибольшим счастьем, если генералитет кайзера из боязни революционного взрыва не осмелится бросить свои войска на Россию. Наступлению на востоке могли бы помешать активные действия войск Антанты на западе. Но активности такой нет. Наоборот, все — от речи Вильсона до действий даже таких дипломатов, как Робинсон и Садуль, — говорит о том, что прежние союзники России очень заинтересованы, чтобы немцы двинули на восток. Жак Садуль в разговоре три дня назад дипломатически дал понять, что Нуланс и его коллеги очень обрадовались тому, что мирные переговоры сорвались. Так же радуется, безусловно, и Клемансо.

Чертовски хочется верить, что немцы не станут наступать! Пусть бы почувствовал себя победителем Троцкий, только бы не война!

Но великий революционный романтик, Ленин всегда оставался самым трезвым реалистом.

Троцкий набрался нахальства высказать неудовлетворение отменой приказа Крыленко о демобилизации армии, который отдал Главковерх по телеграмме Троцкого из Бреста.

Сдержав гнев, Владимир Ильич ответил:

— Мобилизация и демобилизация армии — прерогатива правительства, а не отдельного министра, даже если он министр иностранных дел и самый мудрый в правительстве.

Гневный ленинский сарказм, спрятанный за сдержанной вежливостью, Лев Давидович из эмиграции научился чуточку улавливать и понимать.

Нарком вынужден был понизить голос. Но не успокоился — подбил Урицкого сделать запрос на заседании Совнаркома. Предлогом было распоряжение Ленина о закрытии вечерней газеты «Эхо», опубликовавшей приказ Крыленко.

Ленин ответил, что планы демобилизации, как и мобилизации, даже в самой спокойной обстановке являются военной тайной. Он прочел недавно письмо начальника штаба армии Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича, обращавшего внимание на недопустимость публикации того, что имеет секретное значение.

Члены правительства согласились с Лениным. Троцкий хитро молчал; за него говорили сообщники.

Все эти дни Ленину неприятно было разговаривать с Троцким, по всем иностранным делам он, через голову наркома, обращался к Чичерину. Георгий Васильевич активно и компетентно включился в работу наркомата, организуя эту работу совсем по-новому.

Троцкий это почувствовал и избегал встреч с Лениным, даже не явился на два заседания Совнаркома. Занимался тем, что сплавивал своих единомышленников и подстрекал левых крикунов. Сам он, между прочим, тоже не очень верил, что немцы не будут наступать. Более того, ему хотелось, чтобы они возобновили военные действия. Тогда Ленину пришлось бы согласиться с левыми и начать революционную войну. Разбилась бы его теория победы социалистической революции в одной стране, такой мужицкой, дикой, как Россия.

Ленин глубоко задумался. Нет, беспокоит его не Троцкий в случае немецкого наступления. При всей своей самоуверенности он сядет в лужу и должен будет освободить пост наркома по иностранным делам. Беспокоят «левые», которые снова активизировались и с новой силой доказывают, что никакого мира с империалистами быть не может.

Ленина очень встревожило, что, несмотря на его телеграмму, посланную в ставку утром одиннадцатого, Николай Васильевич Крыленко все-таки отдал приказ о демобилизации армии. Пришлось отменить его приказ решением Совнаркома. Действия командующего подтверждают мысль, что надо следить зорко не только за «левыми», но и за военными необходимостью больший контроль. Революционная демократия — большое завоевание для всех, однако в армии она должна иметь определенные границы.

Крыленко можно понять: ему хотелось быстрее избавиться от старой армии. А избавляться сейчас нельзя. Нельзя, товарищи! Надо приложить максимум усилий для укрепления защиты республики!